

УДК 316

Верещагина Анна Владимировна

доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
anrietta25@mail.ru

Ковалев Виталий Владимирович

доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
Vitkovalev@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета
samygin78_@yandex.ru

Anna V. Vereshchagina

doctor of sociological Sciences, professor.
Department of theoretical sociology and methodology of regional researches,
Institute of Sociology and Regional studies,
Southern Federal University
anrietta25@mail.ru

Vitaliy V. Kovalev

doctor of sociological Sciences, professor. Department of theoretical sociology and methodology of regional researches, Institute of Sociology and Regional studies, Southern Federal University
Vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. Samygin - doctor of sociological Sciences, professor.

Department of human resource management and sociology,
Rostov State Economic University
samygin78_@yandex.ru

Насилие над пожилыми людьми в семье как социальная проблема

Violence against elderly in the family as a social problem

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать сущность, характер, причины, формы проявления насилия над пожилыми людьми в семье. Дается комплексный анализ основных понятий темы, некоторые из них в авторской интерпретации. Предлагается новая классификация форм насилия. Впервые Впервые проводится исследование причин насилия над пожилыми людьми в семье в рамках социологической предметности. В статье утверждается, что заявленная проблематика практически не исследована методическим арсеналом социологии. Особенно

много белых пятен существует относительно изучения форм насилия над пожилыми людьми в семье.

Ключевые слова: *насилие, пожилые люди, семья, формы насилия, причины насилия, сущность насилия, последствия насилия.*

Abstract. *This article attempts to analyze the nature, character, causes, forms of manifestation of violence against elderly in the family. Gives a comprehensive analysis of the main concepts of the topic, some of them in the author's interpretation. Proposes a new classification of forms of violence. For the first time carried out a comprehensive analysis of the sociological causes of violence against elderly in the family. The article argues that the claimed issues are virtually unexplored methodological arsenal of sociology. Especially many gaps exist regarding the forms of violence against elderly in the family.*

Key words: *violence, elderly, family, forms of violence, causes of violence, nature of violence, consequences of violence.*

Любые проблемы, связанные с актами насилия, имеющими место в социуме, неизменно привлекают внимание общественности. В самом деле, одним из важнейших признаков социальности человека выступает его способность к сотрудничеству на основе учета взаимных интересов и мирного сосуществования. В ещё более значимых проявлениях имманентно присущих только человеку свойствах можно говорить о любви, как высшем выражении чувств людей друг к другу. В этой связи насилие выступает чем-то вроде регресса к более низшим стадиям эволюции, своеобразной насмешкой над тем, что постулируется в современных нормах социальной морали и духовно-нравственных императивах. Именно по этой причине любые проявления насилия являются по своей сути актами асоциальными, заставляющими общество задумываться над их природой, причинами, формами проявления, последствиями. Особенно это важно, когда объектами насилия становятся наиболее уязвимые, незащищенные социальные слои. Как правило, в данном контексте речь идет о женщинах, детях и пожилых людях. Насилие в отношении последних, применяемое в семье, выступает предметом нашего исследования.

Под насилием в тексте данной статьи мы будем понимать любые формы воздействия, реально осязаемые или действующие в виде угрозы, направленные против себя лично, другого индивида или социальной группы (группы лиц), следствием чего становится наличие реального или ожидание предполагаемого ущерба здоровью, причинение смерти, либо возникновение любых иных неблагоприятных последствий [1].

Отталкиваясь от представленного определения, сузим далее наше понимание насилия с поправкой на объект исследования – пожилых людей в семье.

Надо сказать, что в науке не сложилось единообразного подхода в решении этой проблемы. В.Г. Кобелева определяет насилие над пожилыми людьми как "преднамеренное причинение пожилому лицу физической и психической боли, страданий и травм, а также необоснованное ограничение

или полное лишение его необходимых ухода и лечения, которые поддерживали бы его душевное и физическое здоровье" [2]. И.Г. Беленькая исходит из того, что насилием над пожилыми людьми следует считать систематическое их преследование со стороны ухаживающих за ними людей [3]. А.М. Беклемишев отмечает, что насилие над пожилыми может реализовываться с разной степенью интенсивности и продолжительности, и выражается в наличии вреда из-за неблагоприятного воздействия со стороны лиц, ответственных за уход и присмотр [4].

Различия в данных определениях акцентируют внимание на разницу в понимании сущности насилия, его субъектов, устойчивости проявления. Указанные разночтения мы объясняем тем, что геронтология, как наука о старении, является комплексной отраслью знаний, отражающей в себе предметные особенности разных наук, делающих свои собственные акценты на понимании насилия. Например, социальные работники неизбежно связывают насилие с лицами, осуществляющими уход за пожилыми людьми, а социологи допускают его проявление от любого субъекта, кто может входить в расширенный список членов семьи пожилого человека.

Сложившееся положение требует комплексного учета представленных точек зрения. Однако в данной ситуации более правильным было бы не конструировать тяжелые, неудобоваримые определения, способные включать в себя все аспекты предметности нашей темы, а отразить наиболее узловые проблемы, важные для учета специфики насилия над пожилыми людьми, живущими в семье. Для правильного понимания его причинного комплекса, форм и последствий, необходимо обратить внимание на то, что определение насилия должно включать в себя любое неблагоприятное воздействие на пожилого человека со стороны членов семьи или лиц, профессионально выполняющих обязанности по присмотру за пожилыми людьми. Приведенное определение дает нам возможность посмотреть на процесс насилия с обще социальной точки зрения, имея в виду не только взаимодействия внутри малых социальных групп, но и учитывая закономерности, формирующие эволюционную модель современного института семьи.

Прежде всего, у нас расширяются перспективы для оценки причинного комплекса насилия над пожилыми людьми в семье. В сложившейся традиции изучения вопроса, заложенной, вне всяких сомнений, специалистами по социальной работе, проблематика рассматривается через контекст неблагополучной межличностной коммуникации. Так, Э.К. Турдубаева отмечает, что причинами насилия могут быть недостатки семейного воспитания, гиперопека, психологическая несовместимость, месть за обиды в детстве и т.п. [5]. В лучшем случае данные социально-психологические детерминанты отягощаются такими социальными проблемами, как алкоголизм, наркомания, бедность.

Мы не ставим под сомнение отмечаемые социальными работниками и психологами факторы, однако, для формирования более полного спектра позиций их необходимо дополнить социологическим объяснением.

Приоритет в причинном комплексе мы отводим процессу нуклеаризации современных семей. В подавляющем большинстве случаев (до 80%) семья складывается из двух поколений родителей и их несовершеннолетних детей. Трехпоколенческие (расширенные, большие) семьи в своем численном составе уменьшаются. Между тем, возрастание средней продолжительности жизни в России (74 года – для женщин и 63 года – для мужчин [6]) остро ставит вопрос о помощи престарелым людям после утраты ими способности к самостоятельному уходу за собой. Неэффективность работы социальных служб нередко ведет к тому, что появляются так называемые псевдо члены семьи, как бы помогающие старикам, а на самом деле из-за корыстных мотивов плохим уходом или открытым насилием, ускоряющие наступление их смерти.

Важнейшей причиной насилия над пожилыми людьми в семье является высокая мужская смертность. Это видно уже из приведенных выше данных Федеральной службы государственной статистики. Если их конкретизировать по указанному аспекту, то можно отметить, что начиная с возраста 70 лет на 1000 мужчин приходится 2441 женщина [7]. Мало того, что женщины теряют своих естественных защитников, они оказываются в одиночестве перед лицом многочисленных трудностей бытового порядка, в том числе, связанных с особенностями возраста. И здесь очень уместным будет отметить, что насилию в семье подвергаются чаще всего именно пожилые женщины.

Говоря о причинах, нельзя обойти вниманием утрату стариками своих функций в системе социализации. В обществах, где состояния социальной статики преобладают над социальной динамикой, роль стариков сводится к передаче социально значимого знания в виде того опыта, который был ими накоплен за годы жизни. Однако в нашем динамично изменяющемся мире полученные знания порой несколько раз устаревают уже при жизни одного поколения. Неслучайно, что старость утратила свой ореол почета и уважения, неизменно сопровождавший ее в прежние исторические эпохи. Об этом еще в 60-е годы прошлого века писал К. Ясперс [8]. Сейчас данные процессы только усилились. На бытовом уровне они выражаются в том, что старики начинают восприниматься плохо воспитанными и неблагодарными детьми в качестве обузы. Эти тенденции особенно усиливаются в бедных обществах, где имеется дефицит ресурсов и благ, но где на уровне общественного сознания активно культивируются потребительские ценности. В этих условиях старики, не имеющие "утилитарной пользы", становятся объектом насилия, нередко из-за материальных благ в виде квартиры, машины, счета в банке и др., которые они накопили за годы жизни.

И, наконец, укажем на ещё одну причину, отметив гендерный контекст. Геронтологи обратили внимание на то, что пожилые женщины значительно реже вступают в повторный брак, чем мужчины [9]. Отчасти это связано с уже упоминавшейся проблемой численных диспропорций между пожилыми мужчинами и женщинами (1 : 2.4). Но, главным образом, основная причина состоит, всё же, в том, что, как правило, пожилые мужчины не вступают в брак со своими ровесницами, предпочитая женщин значительно моложе себя. Результатом становится образование двойного комплекса причин,

обуславливающих возрастание насилия. Во-первых, не получает нужной защиты и остается одинокими большая часть пожилых женщин. О последствиях такого состояния мы уже писали. Во-вторых, нередко сами пожилые мужчины попадают в сети аферисток, которым от их престарелых мужей необходимы лишь материальные ценности. Неслучайно, что досрочное или даже скоропостижное прекращение жизни не становится для них жизненной трагедией. Иными словами, в поведении пожилых мужчин уже заложен известный потенциал виктимности, способствующий росту насилия над ними в семье.

Существенным аспектом проблемы выступает анализ форм насилия над пожилыми людьми в семье. Далее остановимся на этой части нашего исследования.

Обычно, когда описывают формы насилия в отношении социальных субъектов, имеют в виду три их разновидности: физическое, психологическое и сексуальное. Однако примирительно к пожилым людям этот перечень добавляется медицинским насилием и пренебрежением. Такое добавление мы считаем оправданным, но исходим из того, что оно плохо согласуется с традиционным пониманием насилия и семантикой русского языка. Чтобы разрешить эту терминологическую проблему, мы предлагаем сделать классификацию насилия, которая, по нашему мнению, должна состоять из двух форм насилия – активного и пассивного, включающих в себя соответствующие виды: физическое, психологическое, сексуальное (активная форма) и пренебрежение разного рода обязанностями по отношению к пожилым (пассивная форма).

Итак, рассмотрим, в первую очередь, виды насилия над пожилыми людьми, выраженные в активной форме. Физическое насилие может иметь совершенно разные проявления: побои, удары, щипки, связывания, убийства. Общим признаком выступает непосредственный физический контакт, направленный на сознательное причинение вреда. К сожалению, мы даже приблизительно не в состоянии оценить масштаб этого явления. Во-первых, в значительной степени оно носит латентный характер. Здесь нужно учитывать особенности пожилых людей как социальной группы, которые в силу ограниченных двигательных возможностей либо не могут пожаловаться на своих обидчиков (полная локализация всех контактов внутри малой группы), либо боятся это сделать из-за состояния абсолютной зависимости от них. Во-вторых, даже те правонарушения, которые регистрируются (побои, причинение вреда здоровью) попадают в судебную статистику по общим составам преступления, т.к. отдельно дела в отношении пожилых людей не регистрируются за неисполнением норм каузального характера.

Психическое насилие имеет еще более разнообразные проявления. Может выражаться в виде систематических криков, запугиваний, унижений, оскорблений, бойкота и т.п. Природа его такая же, как у физического: использование полной зависимости пожилого человека от субъектов насилия. Данный вид асоциального поведения еще менее подвержен какому-либо учету.

Сексуальное насилие, применяемое к пожилым людям, также происходит в семьях. Но, что касается этого вида, то методами социологии измерить его масштаб ещё более проблематично, т.к. природу и проявления этого вида насилия изучают социальные работники, психологи и психиатры.

Далее дадим краткую характеристику пассивной форме насилия над пожилыми людьми. Общим свойством, типичным для всех проявлений этой разновидности насилия, является игнорирование опекунами выполнения своих обязанностей, жизненно важных для осуществления ухода за людьми пожилого возраста. Здесь нужно указать на отказ выполнять предписания врачей: пропуск предоставления лекарств, намеренная передозировка лекарственных препаратов, отказ в предоставлении предписанных врачами лекарств и т.п. Кроме того, для установления факта насилия достаточно наличия любого из следующих деяний: морение голодом либо предоставление негодной пищи; отказ стирать, сменять, поправлять одежду и постельное белье; отказ убирать в квартире либо комнате престарелого человека и т.п.

Мы представили лишь самый общий из возможного анализ форм насилия над пожилыми людьми в семье. Здесь не сделано, пожалуй, самое главное, что является неотъемлемым атрибутом социологического исследования: определение масштаба распространения проблемы. Однако на данном этапе развития науки данная задача пока представляется неразрешимой и требует проведения дополнительных, специальных разысканий.

В завершении работы скажем несколько слов о последствиях насилия. Уместным было бы закончить нашу статью известными словами о том, что уровень цивилизованности любого общества определяется тем, насколько гуманно в нем относятся к старикам. В российском социуме, к большому сожалению, гуманность примирительно к наиболее незащищенному социальному слою ещё не стала атрибутом всеобщего поведения. Неуважение, равнодушие и, увы, насилие над пожилыми людьми имеет место даже в семье, где взаимное уважение и терпимость должны рождаться из родственной любви и заботы о ближних, и распространяться в большое общество в качестве устойчивого образца подлинного человеколюбия. Пока далеко не каждая семья становится кузницей гуманизма. Но, возможно, исправление внешних условий жизни, рост материального благополучия, улучшение нравственных оснований человека изменят ситуацию к лучшему.

Все чаще в отношении России можно услышать, прочитав в СМИ, в научной литературе термин «стареющая Россия» [10], но в контексте данной проблемы, которая не является сугубо российской (такой же демографической характеристикой наделяют зачастую и Европу), вопросы насилия над пожилыми людьми не поднимаются. Преимущественно демографический характер дискурса в отношении проблемы старения населения и ее социальных последствий оставляет за пределами общественно-научной полемики вопрос, составивший предметную область исследования в данной статье. А между тем, масштабы неблагополучия этой, пожилой, части населения России со всеми основаниями позволяют констатировать, что по мере роста доли пожилых в структуре российского населения нерешенность проблемы, связанной с

необходимостью ограничения пожилых людей от возможности проявления насилия по отношению к ним, будет дополнительным источником роста неблагополучия такого, «неблагополучно стареющего» общества [11].

Вопрос о том, хорошо это или плохо – повышение числа граждан пенсионного возраста в возрастной структуре российского населения – стоит ставить в контексте другого вопроса: хорошо это или плохо для данного общества, в котором стратегии и программы социального обеспечения и социального развития, а также социальной защиты нуждающихся в помощи данных категорий граждан не соответствуют даже минимальным критериям обеспечения их достойной, защищенной и безопасной жизни? В такой ситуации повышение числа граждан пенсионного возраста в возрастной структуре российского населения заставляет обратить более пристальное внимание к проблеме обеспечения их социально-правовой и финансовой защищенности [12].

Будучи зависимыми от социума, нуждающимися в защите и поддержке с его стороны, граждане пожилого возраста подвергаются в большей степени рискам дезадаптации, ухудшения социального и физического самочувствия, а также насилия в неблагополучных семьях, численность которых также возрастает в социально неориентированном и экономически слабом государстве. Российское государство, давно отошедшее от глобального, комплексного и эффективного решения социальных проблем и задач социальной политики, по-прежнему, сохраняет позицию стороннего наблюдателя, взятую на вооружение в постсоветский период. Следовательно, напрашивается вывод о том, что тенденция старения населения России при сохранении факторов и показателей неблагополучия данной категории граждан страны самым актуальным образом ставит перед государством и обществом проблему перехода на гуманистические принципы организации социальных отношений, и ориентиром должна стать, прежде всего, социальная политика государства, тем более, что, согласно Конституции, российское государство является социальным.

Литература:

1. *Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга и др.; пер. с англ. М., 2003. 56 с.*
2. *Кобелева В.Г. Технологии социальной работы с различными типами семей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. №2. С. 275 -280.*
3. *Беленькая И.Г. Социальная геронтология: Учеб. пособие. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1999. 211 с.*
4. *Беклемишев А.М. Социальная работа. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2006. 256 с.*
5. *Турдубаева Э.К. Насилие над пожилыми людьми в обществе и семье: решение проблем // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. №4. С. 12-20.*
6. *По данным за 2016 г. Федеральной службы государственной статистики*

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

7. По данным за 2016 г. Федеральной службы государственной статистики

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

8. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Мысль, 1990. 298 с.

9. Милькаманович В.К. *Социальная геронтология*. М.: РГСУ, 2005. 162 с.

10. Верещагина А.В., Савченко Л.А., Красножон А.Г. *Гендерная социология и демография в контексте личностной и институциональной динамики / Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2015 года) / Отв. ред. – сост. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. и д. соц. н. Письменной Е.Е. — Москва: Экономическое образование, 2015. С. 170-174.*

11. Руденко А.М., Самыгин С.И., Пономарев П.А., Бурменская Д.Н. *Основы духовной культуры*. Ростов-на-Дону, 2016. 145 с.

12. Попов М.Ю. *Кризис духовности в современной России: динамика и перспективы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №6-1. С. 90-95.*

Literature:

1. *Violence and its impact on health: a report on the situation in the world / edited by Etienne G. Krug and others; transl. from English. M., 2003. 56 p.*

2. Kobelev V. G. *Technology of social work with different family types // Bulletin of Perm University. Of legal science. 2001. No. 2. Pp. 275-280.*

3. Belenkaya, I. G. *Social gerontology: Proc. allowance. M.: Gumanit. ed. center Vldos, 1999. 211 p.*

4. Beklemishev M. A. *Social work. M.: Gumanit. ed. center Vldos, 2006. 256 p.*

5. Turdubaeva E. K. *Abuse of the elderly in society and family: meeting the challenges // Scientific notes of Russian state social University. 2007. No. 4. P. 12-20.*

6. According for the 2016 Federal state statistics service / http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

7. According for the 2016 Federal state statistics service / http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

8. Jaspers K. *Meaning and purpose of history. M.: Myslle, 1990. 298 p.*

9. Milkamanovich V. K. *Social gerontology. Moscow: Russian state social University, 2005. 162 p.*

10. Vereschagina A.V., Savchenko L. A., Krasnozhon, A. G., *Gender sociology and demography in the context of personal and institutional dynamics / Modeling of demographic development and socio-economic efficiency of realization of demographic policy of Russia: Materials of international scientific-practical*

conference (Moscow, December 3, 2015) / Ed. ed. corresponding member Q. RAS S. V. Ryazantsev and D. SOC. Written B. E. E. Moscow: Economics, 2015. P. 170-174.

11. Rudenko M. A., Samygin S. I., Ponomarev, P. A. Burmenskaya D. N. The foundations of spiritual culture. Rostov-on-Don, 2016. 145 p.

12. Popov M. Yu. The crisis of spirituality in modern Russia: dynamics and prospects // Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2015. No. 6-1. P. 90-95.